

УДК 821.161.1:27

АЛЕКСАНДРА ВОЛОШКО

(Полтава)

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС В ПЕРЕПИСКЕ Н. ГОГОЛЯ И В. ЖУКОВСКОГО

Ключові слова: релігійний дискурс, епістолярний діалог, християнська традиція, релігійна тема, мотив.

Исследовательская литература, посвящённая изучению переписки Гоголя, большая по объёму и многообразная, однако далеко не исчерпана. Отдельные её аспекты привлекали внимание А. А. Аникеевой, М. Н. Виротайнен, Г. А. Гришина, А. А. Карпова и других исследователей. Недостаточно изученной, на наш взгляд, является проблема анализа эпистолярного диалога Гоголя и Жуковского. Следует отметить диссертационную работу Н. В. Кузнецовой «Жуковский и Гоголь. Диалог об искусстве в переписке писателей» (2006 год). Однако вопросы о религиозном дискурсе в их переписке требуют более детального рассмотрения.

Современники Гоголя, а позднее его биографы, нередко отмечали, что личность писателя представлялась им таинственной и необъяснимой. «Такое впечатление возникало из-за сложности и противоречивости его характера, из-за свойственной Гоголю с ранних лет скрытности, в силу которой его внутренняя жизнь, мотивы поступков, истоки настроений во многом оставались неясны для окружающих» [7, с. 5]. Переписка писателя, как точно заметил С. Т. Аксаков, приоткрывает завесу таинственности, объясняет непонятные до этого стороны жизни Гоголя. Она многообразна по темам, жанрам, стилистике. В ней прослеживается динамика духовных исканий, эволюция мировоззрения писателя.

Переписка Гоголя и Жуковского не только важный документ, выражающий литературный быт их времени, но и эпистолярный диалог, в котором предстаёт мировоззренческая концепция авторов. Сохранилось 67 писем Гоголя и 30 писем Жуковского, некоторые из которых предназначались не только адресату, но и широкому кругу читателей (статья XVII «Просвещение» из «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя, 3 статьи Жуковского «О смерти», «О молитве», «О поэте и современном его значении»).

Говоря о религиозном дискурсе, следует отметить, что он появляется в переписке Гоголя и Жуковского не сразу. Их письма, датированные 1830-ми – началом 1840-х годов, практически не содержат размышлений на религиозные темы, тогда как соседины 1840-х годов они становятся основными, ведущими. Темы эти повторяются, проходят лейтмотивом через всю переписку этого периода.

Концепция добродетельности как залога Божьего воздаяния, смирения

перед Провидением, восприятия смерти как высшего блага сформировалась у Жуковского под влиянием масонства в юные годы. Религиозные убеждения поэта оставались неизменными на протяжении всей жизни, лежали в основе его поэтического творчества, критических, философских работ и, что не менее важно, оставались жизненным принципом.

О религиозности Гоголя в ранние периоды творчества сложно судить по его произведениям, полным языческого колорита, описаний православного быта, патриархальности, иронии над духовными лицами. Точнее, оно проявляется опосредованно, через образы, предметы, детали, созданные подсознанием автора, выражающие его страхи, надежды, веру. Как отмечает С. Д. Абрамович, «...религиозным писателем в духе патристов Гоголь никогда не был.... В художественных же произведениях... богословских «мудрствований» отнюдь не наблюдается» [1, с. 44].

Эпистолярный диалог писателей содержит несколько важных для них христианских тем: о предназначении человека вообще и писателя в частности; о таланте как Божьем даре и ответственности за этот дар; о религиозности и добродетельности как необходимых качествах писателя и залога воздаяния в Царствии Божием; о вере в Провидение, смирении перед Божьим Промыслом; а также смерти, молитве, церкви.

Мысль о духовном родстве Гоголя и Жуковского подчёркивал В. В. Набоков, который считал, что поэт-романтик «прожил жизнь в чем-то вроде созданного им самим золотого века, где провидение правило самым благожелательным и даже благочинным образом, а фимиам, который Жуковский послушно воскурял, <...> отвечал представлениям Гоголя о чисто русской душе; его не только не смущали, но, наоборот, даже внушали приятное возвышенное ощущение сродства излюбленные идеи Жуковского о совершенствовании мира...» [10, с. 42].

Оба автора, вызывая негодование «передовых» представителей дворянства своего времени, были убеждены в том, что существующий порядок (социальный, политический и т. д.) создан не людьми, а Богом, соответственно является справедливым и задача каждого человека принять этот порядок и своё место в нём, выполнять свой долг смиренно и добросовестно, жить добродетельно. Как отмечает В. К. Петров «...во взглядах Гоголя торжествует внеисторический подход, смешение «горнего с дольным». Практически писатель переносит метафизику горнего мира, где всё уже упорядочено и добро и зло отделены друг от друга, на мир дольный, где идёт борьба между добром и злом в каждом человеке и происходят постоянные общественные изменения. Кажется, что глубоко воцерковленный христианин Гоголь совершенно не знает христианскую эсхатологию, т. е. учение о Конце истории. Для него николаевский режим – чуть ли не идеал общественной системы...» [11, с. 274]. Жуковский также верит в справедливость и правильность существующего режима при условии религиозности и добродетельности каждого, начиная от монарха и заканчивая крепостными.

В письме-статье «О молитве» Жуковский акцентирует внимание на этой

мысли: «Мы созданы Богом для Бога, мы помещены Им в этом мире, где каждому из нас Он указал свое место и свой круг действия...» [4, с. 79].

Каково же место и круг действия писателя в мире?

Одна из наиболее важных христианских традиций русской литературы – учительство, дидактичность, восприятие писателей как духовных наставников, пристальное внимание к их нравственному облику. Глубочайшая религиозность Гоголя, по мнению С. Д. Абрамовича, была унаследована от барочной традиции, всё ещё живой в словесности тогдашней Украины. Ю. М. Лотман пишет о средневековой традиции, которая сохранилась в русской литературе, несмотря на секуляризацию. «Писатель в рамках этой культуры – в идеале – не был создателем текста, а был его передатчиком, носителем высшей истины. Поэтому от него требовалась строгая нравственность в личной жизни...» [8, с. 127-128].

В письмах Гоголя мысли о его собственном писательском предназначении, о святости искусства, значимости таланта, нравственных требованиях к творческому человеку, встречаются постоянно. В 1842 году Гоголь пишет: «... живёт в душе моей глубокая, неотразимая вера, что небесная сила поможет мне взойти на ту лестницу, которая предстоит мне... Много труда и пути и душевного воспитания впереди ещё! Чище горного снега и светлей небес должна быть душа моя, и тогда только я приду в силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрешится загадка моего существования» [2, с. 173]. После отрицательных откликов на «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголь переосмысливает не цель, но методы писательского поприща: «... не моё дело поучать проповедью. Искусство и без того уже поученье. Моё дело говорить живыми образами, а не рассужденьями. Я должен выставить жизнь лицом, а не трактовать о жизни... Писатель, если только он одарён творческою силою создавать собственные образы, воспитайся прежде как человек и гражданин земли своей, а потом уже принимайся за перо!» [2, с. 214].

В одном из наиболее известных писем Жуковскому от 29 декабря 1848 г., в котором Гоголь пишет об их дружбе, основанной на близости эстетических и религиозных взглядов, он представляет будущего читателя, который оценит их творчество как «правильное»: «Оба писателя правильно писали, хотя и не похожи друг на друга» [2, с. 214]. Незадолго до этого Жуковский пишет о том же, иными словами выражая «правильность» писательского поприща: «... мы можем ещё рука в руку пройти по одной дороге, имея перед глазами цель высокую и святую, для пользы души нашей, а с нею и для пользы нашего отечества» [5, с. 551]. Об этом же, но более подробно, а также о нравственном облике поэта размышляет он в письме-статье «О поэте и современном его значении»: «Творец вложил свой дух в творение: поэт, его посланник, ищет, находит и открывает другим повсеместное присутствие духа Божия. Таков истинный смысл его призвания, его великого дара, который в то же время есть и страшное искушение, ибо в сей силе для полета высокого заключается и опасность падения глубокого» [4, с. 84]. Далее Жуковский подчёркивает, что нравственно-образовательное влияние поэзии заключается в личности поэта,

«Что он сам, то будет и его создание» [4, с. 85].

Почти в унисон звучат мысли писателей о сути творческого акта. «В чем состоит акт творения? В осуществлении идеи Творца», – пишет Жуковский [4, с. 83]. «Попуражняйся хоть немного в науке создания, становишься в несколько крат доступнее к прозрению великих тайн Божьего создания», – размышляет Гоголь [2, с. 180].

Ещё одна религиозная тема, важная для обоих писателей и оттого часто встречающаяся в их письмах – вера в Провидение, покорность Божьей воле.

Для Жуковского мотив Провидения был едва ли не основным в его поэзии. Тема большинства его баллад – принятие без ропота всего, что даёт Бог, наказание за отсутствие смирения.

Вера в то, что всё происходящее в жизни оборачиваются добром для человека, незыблема у обоих писателей, которые, подобно библейскому Иову, осознали, что Бог не только карает, но и посылает испытания для укрепления веры.

«Чем более думаешь, тем яснее становится одно, что мы должны покоряться и во всём, что бы с нами не случилось, видеть добро, добро не потому, что оно нам таким кажется, а потому, что всё выходит из воли одного и того же любящего Бога, который во всякое мгновение жизни нашей с нами, что на всё есть Его воля и Его воля есть благо, в чём бы она не проявлялась нам. Итак, покорность! В этом всё: и терпение, и мир душевный, и все блага души», – пишет Жуковский [5, с. 532].

«... Что то будет, то будет, а верно, будет так, как лучше. Всё, что ни случилось, доброе и злое, всё было для меня хорошо», – вторит ему Гоголь [2, с. 153].

Жуковский неоднократно говорит о том, как сложно человеку принимать некоторые ситуации в жизни, однако, как это необходимо: «Убеждение говорит: «Здесь всё добро, и всё к добру, потому что Бог хозяин в доме своём и сам обо всём заботится лично, следственно всё должно быть в совершенном порядке. Да не смущается сердце твоё!» Так думается всегда, но не так чувствуется в некоторые минуты, которые своею тревогою сокрушают душу, как нечаянное наводнение...» [5, с. 552].

В одном из писем Гоголь упрекает себя в том, что не всегда может достойно выносить жизненные тяготы: «Как подл и низок человек, особенно я! Столько примеров уже видевши на себе, как всё обращается во благо души, и при всём том нет сил терпеть благородно и великодушно! А он так милостиво и так богато воздаёт нам за малейшую каплю терпенья и покорности!» [2, с. 190]. Однако вера его была так сильна, что он принимал всё со смирением, ждал указаний Божьих, получал их, интерпретировал, воспринимая себя не только в писательстве, но и в жизни, как передатчик Божьей воли. Например, перед путешествием в Иерусалим, Гоголь терпеливо ожидал знаков, о которых писал Жуковскому: «Я и прежде никак не думал упрямо и по своей собственной воле предпринимать это путешествие, но ожидать указаний Божьих, которые признаю в попутном ходе всех к тому споспешествующих

обстоятельств и в отстранении всех препятствий. <...> Указанием божьим считаю я возрастание самого желания ехать. Верю, что, когда приспееет законное время и час садиться на корабль, желание это возрастет...» [2, с. 194]. К сожалению, поездка не принесла писателю ожидаемого духовного прозрения, а, наоборот, указала на то «как велика чѣрствость моего сердца... Я удостоился провести ночь у гроба Спасителя, я удостоился приобщиться от святых тайн, стоявших на самом гробе вместо алтаря, – и при всѣм том я не стал лучшим, тогда как всё земное должно было спореть во мне и остаться одно небесное» [2, с. 228].

В последние годы жизни Жуковский писал поэму «Агасфер» («Вечный жид»), которую так и не успел закончить. Он обращался к Гоголю с просьбой описать виды Иерусалима, что помогло бы в создании поэмы, однако паломник считал, что для создания произведения, которое станет «и внутренней историей твоей собственной души» [2, с. 230], его «сонные» впечатления не нужны. «...Все эти святые места уже должны быть в твоей душе. Соверши же, помолясь жаркой молитвой, это внутреннее путешествие – и все святые окрестности восстанут перед тобою в том свете и колорите, в каком они должны восстать» [2, с. 230].

Несмотря на видимое согласие между писателями в важнейших религиозных вопросах, которое так заметно при анализе их эпистолярного диалога, определённые религиозные темы и мотивы для них важны по-разному. Для Гоголя нет существеннее темы предназначения автора, его долга, нравственного облика. Жуковский много рассуждает, практически проповедует по поводу покорности Провидению (синонимы этого слова – жребий, удел, рок, определение, участь, судьба – встречаются в его лирике более 180 раз). Важной для него является тема смерти, её тайны.

Место темы смерти в переписке писателей неравнозначно. Реплики Гоголя лаконичны и сводятся к двум утверждениям: оставшиеся на земле должны достойно и со смирением принимать утрату близких; «небесная родина наша наполняется ежеминутно более и более близкими нашими сердцу и тем как бы становится нам ещё желанней и драгоценней» [2, с. 195].

В 1803 году 20-тилетний Жуковский писал о том же в связи с гибелью лучшего друга:

*Прости! не вечно жить! Увидимся опять;
Во гробе нам судьбой назначено свиданье!
Надежда сладкая! приятно ожиданье! —
С каким веселием я буду умирать!
(«На смерть А(ндрея Тургенева)») [6, с. 35].*

Таинство смерти для Жуковского было всю жизнь тем связующим звеном, которое объединяет мир «дольний и горний», приоткрывает завесу неизвестного потустороннего бытия. Достаточно вспомнить пристальный интерес писателя к умершему Пушкину, рядом с которым он провёл много часов,

сделал рисунок поэта в гробу, подробно описал его. Письмо Гоголю о смерти Мии, юной сестры жены, Жуковский собирался опубликовать отдельно под названием «О смерти». Он размышляет о многом в этой связи: о благодатности смерти для умерших, которые соединятся с Богом, о тяжести утраты для тех, кто остаётся, цитирует слова Карамзина: «Смерть только для живых есть зло», о том, как душа воспринимает жизнь земную из мира потустороннего. И, наконец, о трансцендентном опыте, который получает человек при лицезрении смерти: «...когда над нами совершается удар свыше, как иначе делается тогда внятн сердцу евангельский голос; уже не в листах книги мы ищем тогда спасителя нашего. Он сам нас находит, он сам становится к нам лицом к лицу; ценою бедствия покупаем мы лицезрения Бога» [5, с. 548]. В этих размышлениях выражено мистическое восприятие жизни, поскольку «мистиками остаются те <...> для которых таинства и чудеса реальны и объективны» [9, с. 114].

Итак, наиболее важными для писателей религиозными темами, разносторонне освещёнными в их переписке, являются темы предназначения писателя, покорности Провидению, смерти. Не менее важны, хотя реже встречаются в письмах, вопросы, касающиеся церкви, молитвы, просвещения, которое Гоголь трактует как «высветление человека во всех его силах, а не в одном уме, пронесение всей природы сквозь какой-то очистительный огонь» [3, с. 251]. Анализ этих тем требует дальнейшего исследования.

Переписка Гоголя и Жуковского является свидетельством не только духовной близости писателей, она отражает эволюцию их религиозных поисков, становление христианского мировоззрения, которое было основой их жизни и творчества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамович С. Д. В поисках утраченного рая: Духовное самоопределение русского писателя XIX – начала XX ст. Монография. / С. Д. Абрамович. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго. – 2009. – 216 с.
2. Гоголь Н. В. Переписка Н. В. Гоголя (Н. В. Гоголь и В. А. Жуковский) / Н. В. Гоголь // Переписка Н. В. Гоголя : в 2 т. Т. 1. – М. : Худож. лит. – 1988. – С. 150-235.
3. Гоголь Н. В. Просвещение (Письмо к В. А. Ж.....му) / Н. В. Гоголь // Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. – М. : Худож. лит. – 1978. – С. 248-251.
4. Жуковский В. А. Письма к Н. В. Гоголю / В. А. Жуковский // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. – М. : Гос. изд-во худож. лит. – 1960. – С. 527-556.
5. Жуковский В. А. Письма Гоголю / В. А. Жуковский // Собрание сочинений : в 12 т. Т. 10. – СПб. – 1902. – С. 74-88.
6. Жуковский В. А. Стихотворения / В. А. Жуковский // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. – М. : Гос. изд-во худож. лит. – 1960. – С. 3-413.
7. Карпов А. А. Николай Васильевич Гоголь в его переписке / А. А. Карпов // Переписка Н. В. Гоголя : в 2 т. Т. 1. – М. : Худож. лит. – 1988. – С. 5-28.
8. Лотман Ю. М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. Т. 3. – Таллин : Александра. – 1993. – С. 127-137.

9. Любомудров А. М. Духовный реализм как отражение религиозной культуры в художественной литературе / А. М. Любомудров // Вестник славянских культур. – 2008. – Т. IX. – № 1-2. – С. 113-120.

10. Набоков В. В. Лекции по русской литературе / В. Набоков. – Изд-во : Независимая газета. – 1999. – 440 с.

11. Петров В. К. Гоголь о России: о духовно-нравственных пороках и общественном идеале / В. К. Петров // Философия хозяйства. – 2009. – №5. – С. 269-276.

АЛЕКСАНДРА ВОЛОШКО

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС В ПЕРЕПИСКЕ Н. ГОГОЛЯ И В. ЖУКОВСКОГО

Статья посвящена исследованию религиозного дискурса в переписке Гоголя и Жуковского. Определены основные христианские темы их переписки, установлена связь религиозного и эстетического мировоззрения писателей с средневековой и барочной традицией в русской и украинской литературах. Автор акцентирует внимание на близости религиозных взглядов писателей, отразившейся в их эпистолярном диалоге.

Ключевые слова: религиозный дискурс, эпистолярный диалог, христианская традиция, религиозная тема, мотив.

ALEKSANDRA VOLOSHKO

RELIGIOUS DISCOURSE IN CORRESPONDENCE OF N. GOGOL AND V. ZHUKOVSKY

The article is devoted research of a religious discourse in correspondence of Gogol and Zhukovsky. The basic Christian themes of their correspondence are defined, connection of religious and aesthetic outlook of writers with medieval and baroque tradition in Russian and Ukrainian literatures is established. The author focuses attention on affinity of religious sights of the writers, reflected in their epistolary dialogue.

Key words: a religious discourse, epistolary dialogue, Christian tradition, a religious theme, motive.

Одержано 12.03.2013 р.